

491.71
Ш-948

На правах рукописи

Штырлина -

Штырлина Екатерина Геннадьевна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ»
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И. БРОДСКОГО**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

✓
Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

000
Научный руководитель –

доктор филологических наук, профессор
Балалыкина Эмилия Агафоновна

Официальные оппоненты:

Габдреева Наталия Викторовна,
доктор филологических наук, профессор ФГБОУ
ВПО «Казанский национальный
исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева», заведующий кафедрой
русского и татарского языков

ФГНУ «НПБ им К.Д. Ушинского»
РАО

13-03954

Трошкина Татьяна Петровна,
кандидат филологических наук, доцент ФГАОУ
ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»

Ведущая организация –

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

Защита состоится «15» мая 2013 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Режим доступа: <http://www.kpfu.ru>

Автореферат разослан «6» апреля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

491. 71
Ш - 948

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование концепта «время» в современной лингвистике осуществляется на фоне антропоцентрического подхода, выявляющего взаимосвязи языка и человека как субъекта познания и мышления. В рамках данного направления изучается специфика восприятия времени человеком, при этом особое внимание уделяется рассмотрению преломления универсальных темпоральных представлений в сознании отдельной языковой личности, формирующей индивидуально-авторскую картину мира и выражающей в ней свои философские воззрения на проблему времени.

Среди множества художественных систем особо выделяется одна, которая сосредоточивает в себе сумму различных философских представлений относительно собственно бытия, его свойств и категорий, времени как отдельной самостоятельной субстанции, оказывающей существенное воздействие на человека. Такую специфическую, субъективно обусловленную картину мира создает на страницах своих произведений выдающийся русский поэт XX века – Иосиф Бродский, писатель, творчество которого служило основой для поиска ответа на вопросы «что есть время и какое влияние оно оказывает на человека?».

Актуальность диссертационной работы определяется рядом причин. Во-первых, по замечанию ученых, предметом лингвистических исследований в последнее время становится именно событийно-временной аспект мира, а не предметно-пространственный. Во-вторых, изучение художественных концептов, тем более таких базовых, как время, создаёт ярко выраженную антропоцентрическую направленность работы. В-третьих, анализ феномена времени позволяет определить особенности индивидуально-авторского мировидения, влияющего на создание художественной действительности.

Объект исследования – художественный концепт «время», предмет – лексические средства его репрезентации, представленные в сфере имён существительных с темпоральной семантикой в поэтическом языке И. Бродского.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении особенностей лексического выражения художественного концепта «время» и определении его художественно-образного содержания в творчестве И. Бродского.

Для реализации указанного анализа в работе поставлены следующие **задачи**:

- определить основные подходы к изучению художественных концептов в современных лингвистических исследованиях;
- систематизировать базовые теоретические положения относительно сущности времени как когнитивной категории и одного из элементов языковой картины мира;
- описать семантические и функциональные особенности существительных-доминант, репрезентирующих художественный концепт «время» в поэтическом языке И. Бродского;
- проанализировать специфику образно-смысловой сферы концепта в творчестве поэта;
- установить индивидуальный смысловой объем изучаемого концепта и реконструировать основные фрагменты художественной картины мира И. Бродского.

Материал исследования – поэтические тексты И. Бродского, представляющие основной корпус произведений поэта, а также фрагменты его эссеистики, интервью и бесед.

Теоретическую базу исследования составили труды таких ведущих отечественных и зарубежных ученых, как Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, Л.Г. Бабенко, В.В. Виноградов, В.Г. Зусман, Д.А. Катунин, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Л.В. Миллер, Л.Н. Михеева, З.Д. Попова, Н.К. Рябцева, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.С. Яковлева и др.

Цель и поставленные задачи обусловили выбор **методов исследования**, применяемых в процессе анализа практического материала: метод контекстуального анализа художественного текста, метод интерпретации художественного текста, метод лексикографического анализа, метод сплошной выборки, метод описательного анализа.

Научная новизна работы определяется тем, что в диссертации впервые исследуется художественный концепт «время» в поэзии И. Бродского посредством описания семантики ключевых слов-репрезентантов концепта и анализа приобретенных ими в поэтических текстах образно-ассоциативных значений.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в развитии сложившегося в лингвистических исследованиях последнего времени представления о содержании художественного концепта в поэтическом тексте, выявлении особенностей его лексической репрезентации в творчестве И. Бродского, определении индивидуально-авторского осмысления концептуальной значимости времени в художественной картине мира поэта.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования могут способствовать дальнейшей разработке принципов анализа художественного концепта «время» в текстах И. Бродского, а представленный материал окажется полезным при составлении словаря языка поэта. Использование основных выводов исследования может быть применено при изучении лексического анализа слова в поэтическом тексте, разработке теоретических и практических курсов по проблемам когнитивной лингвистики и лингвистики текста. Полученные данные могут быть использованы в процессе преподавания в вузе таких дисциплин, как «Филологический анализ текста», «Стилистика русского языка», «Лексикология», а также в спецкурсах, посвященных изучению идиостиля И. Бродского.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Художественный концепт «время» является ключевым в языковой картине мира И. Бродского.
2. Изучение репрезентации художественного концепта «время» способствует осмыслению идейного содержания поэтического текста и выявлению специфики идиостиля автора.
3. Свообразие восприятия времени поэтом проявляется в особом отборе и функционировании в его текстах лексических единиц с темпоральной семантикой, характеризующихся различными образно-ассоциативными значениями.
4. Основными средствами репрезентации художественного концепта «время» являются лексические обозначения времени, образующие особую концептуально-смысловую иерархию, доминирующее положение в которой занимают ключевые для индивидуально-авторского видения темпоральные единицы.

5. Особенность метафорической репрезентации художественного концепта «время» заключается в использовании поэтом метафорических комплексов, реализующих как универсальные, так и индивидуальные культурно-когнитивные модели.

6. Средства выражения художественного концепта «время» в поэтическом тексте отражают субъективный характер восприятия этого феномена И. Бродским и репрезентируют его индивидуально-авторскую картину мира.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов и сообщений на XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2011), Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Молодежь. Наука. Будущее: технологии и проекты» (Казань, 2011), II Научной интернет-конференции с международным участием «Филология – культурология: диалог наук» (Одинцово, 2012), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современных лингвистических исследований» (Рязань, 2012), II Всероссийской молодежной научной конференции «Научный потенциал молодежи – будущее России» (Муром, 2012), I Всероссийской Интернет-конференции «Грани науки 2012» (Казань, 2012), Открытым конкурсе научных работ студентов и аспирантов им. Н.И. Лобачевского (Казань, 2011, 2012), на итоговых конференциях Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, 2011, 2012, 2013), а также на заседаниях кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета. Промежуточные результаты исследования отражены в 20 публикациях, 9 из которых опубликованы в изданиях, включенных в утвержденный ВАК РФ перечень ведущих рецензируемых научных журналов.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 270 наименований. Общий объем диссертационного исследования составляет 180 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяются объект и предмет изучения, формулируются цель и задачи работы, раскрываются ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, описываются методологические основы анализа, называются защищаемые положения, отмечается апробация работы.

В **первой главе «Теоретические основы исследования»** освещаются общетеоретические положения, необходимые для обоснования избранного подхода к исследованию и для анализа различных точек зрения на представленные для изучения фундаментальные понятия современной когнитивной лингвистики.

Первый раздел (1.1) «Понятие художественного концепта в современной лингвистике» посвящается обзору общей теории концепта; обоснованию когнитивного подхода к художественному тексту; теоретической разработке понятия «художественный концепт» и методики анализа его репрезентации на материале поэтического текста.

Центральным термином когнитивной науки является «концепт», который достаточно широко используется в современной научной литературе, однако получает различную интерпретацию. Неоднозначность трактовки данного термина обусловлена обилием подходов к его рассмотрению, среди которых доминирующее значение приобретают лингвокультурологический, лингвокогнитивный и психолингвистический подходы.

В настоящее время изучение концептов осуществляется прежде всего на внетекстовом лексико-фразеологическом материале, тогда как исследование их репрезентации в художественном тексте представляет особую важность, поскольку не только способствует более глубокому проникновению в смысл произведения, постижению авторской концептосферы, выявлению основных констант творчества писателя или поэта, но и позволяет учитывать различные изменения в семантической структуре слова, определять их роль в формировании подтекста. Наибольший интерес вызывает анализ концептов на материале поэтических текстов, поскольку, по мнению М.М. Бахтина, только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, так как все стороны его напряжены до крайности, а поэзия «как бы выжимает все соки из самого языка, и язык превосходит здесь себя самого».

Изучение репрезентации концепта на материале поэтических текстов должно происходить с учётом специфики художественного слова, отличающегося от своего нехудожественного прототипа особой семантической ёмкостью, развившейся у слова в составе произведения в целом.

Ключевой единицей когнитивной парадигмы изучения художественного текста является художественный концепт, особенность которого, по мнению С.А. Аскольдова, заключается в неопределённости возможностей, в ассоциативной связи его элементов: понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений.

Необходимо отметить, что исследованием художественного концепта занимались многие ученые, в том числе С.А. Аскольдов, Л.В. Миллер, В.Г. Зусман, О.Е. Беспалова, О.Ю. Шишкина, В.А. Маслова, И.П. Черкасова, Е.В. Сергеева, И.А. Ерёмченко, Н.С. Болотнова, Е.В. Туктангулова, Н.В. Красовская, Л.Л. Букреева, Н.Н. Диденко, Л.А. Петрова и др.

К изучению художественного концепта применяются различные подходы, связанные с рассмотрением данного феномена в качестве индивидуально-авторского психического образования (И.А. Тарасова, О.Е. Беспалова, И.А. Ерёмченко) или в роли элемента национальной художественной картины мира (Л.В. Миллер, О.Ю. Шишкина, Л.А. Петрова, Т.Е. Ренз, Г.И. Немец, Т.А. Демидова, Е.В. Туктангулова). Если представители первого подхода трактуют концепт как единицу авторской концептосферы, то исследователи, придерживающиеся второго подхода, считают художественный концепт частичным переосмыслением или варьированием общекультурного концепта.

В современной научной литературе художественный концепт понимается в качестве ментального образования, обладающего следующими отличительными характеристиками: образность, потенциальная открытость интерпретациям (С.А. Аскольдов), диалогичность (В.Г. Зусман), ассоциативность, эмотивность (В.А. Маслова), эмоционально-экспрессивная маркированность (Л.Ю. Буянова), принадлежность тексту (Л.Л. Букреева, Н.Н. Диденко), взаимозависимость узуальных

и индивидуальных средств и форм выражения (Н.С. Болотнова, Л.В. Миллер), обязательная вербализация, ориентация на эстетическую информацию (Е.С. Сергеева), динамика ядра и периферии (О.Е. Беспалова, Е.С. Сергеева) и т.д.

В настоящем исследовании художественный концепт определяется как вербализованное в художественном тексте ментальное образование, отражающее как общепринятые знания, так и субъективное авторское восприятие действительности и связанное с образным представлением той или иной сущности предметов или явлений.

Второй раздел (1.2) «Время как когнитивная категория и один из элементов картины мира» посвящается изучению времени как ключевой категории бытия, репрезентирующей объективную реальность через систему языковых средств и формирующей концептуальную основу мира.

Актуализация проблемы времени в филологических дисциплинах протекает на фоне смены научной парадигмы, характеризующейся антропоцентризмом. Время оказывается объектом исследования когнитивной лингвистики и рассматривается в качестве универсальной категории человеческого сознания и культуры, одной из базовых констант онтологического измерения человека.

Несмотря на универсальность понятия «время», включение его А. Вежбицкой в набор так называемых «семантических примитивов», «гипотетических элементарных концептов, лексикализованных во всех языках мира», каждой культуре в процессе ее исторического развития присуще собственное восприятие времени.

Разнообразие классификаций темпоральных моделей свидетельствует о сложности и многоаспектности феномена времени.

Время как основополагающий атрибут бытия находит непосредственное выражение в языке, актуализируясь в единицах различных языковых уровней. Особое значение в данной связи приобретают лексические средства репрезентации времени, которые, по мнению Т.В. Топоровой, «в наибольшей мере апеллируют к смысловым параметрам модели мира».

Темпоральные лексемы, использованные в художественном тексте, помимо основного номинативного значения, реализуют и индивидуализированные смыслы, которые формируются самим контекстом и образуют функционально-семантическое поле художественного времени, единицы которого оригинально и неповторимо репрезентируют концепт «время». Наиболее ярко и убедительно об этом свидетельствуют поэтические тексты, в которых объединяются этноспецифические представления о времени с его индивидуально-авторскими интерпретациями, служащими источником возникновения темпоральных образов, наполненных субъективным философским содержанием.

В третьем разделе (1.3) «Изучение времени в художественном тексте И. Бродского» приводится реферативный обзор научной литературы, посвященной исследованию особенностей творчества поэта, и в том числе своеобразия его представления о времени (В.А. Куллэ, В.П. Полухина, М.Б. Крепс, А.М. Ранчин, Л.В. Лосев, Р.Р. Измайлов, Е.В. Мельникова, О.А. Тихонова, Е. Ваншенкина, П.Л. Вайль, И.В. Кукулин, Я.А. Гордин, М.Б. Воронинская, А.В. Корчинский, М. Павлов и др.). На основании анализа указанной литературы в диссертации делается вывод о степени изученности художественного концепта «время» в произведениях И. Бродского.

Во второй главе «Лексический репрезентант *время* и его основные характеристики в поэтическом языке И. Бродского» определяются особенности функционирования лексемы *время* в идиостиле поэта с учетом специфики ее семантического объема.

Своеобразную репрезентацию художественный концепт «время» находит в поэтическом языке И. Бродского, занимая там центральное место и становясь ключом к пониманию всего художественного мира поэта.

Непосредственным выразителем изучаемого концепта в творчестве И. Бродского становится лексема *время*, выражающая максимально общую темпоральную семантику слов, входящих в лексико-семантическое поле времени, и функционирующая в текстах поэта как доминирующая темпоральная единица.

Время в поэтическом языке И. Бродского преимущественно выражается в терминах движения, метафорически обозначающих темпоральную единицу в образе динамической сущности, способной к перемещению в пространстве. Динамическая модель времени в текстах поэта представляет собой сочетание лексемы *время* с глаголами движения, семантика которых формирует образ времени, уподобленного человеку, животному или водному потоку. В произведениях И. Бродского представлен целый комплекс авторских интерпретаций хода времени, формируемых глаголами, различающимися по интенсивности и способу движения: *Видно, время бежит, но не в часах, а прямо* («Михаилу Барышникову»); *покуда время идет, а Семенов едет* («Семенов»); *Навсегда истекло / наше время давно* («Предпоследний этаж...») и т.д. Доминирующее положение среди них занимают предикаты, передающие субъективное ощущение ускоренной длительности и формирующие образ быстропроходящего времени: *Бежит рекой перед глазами время* («Менуэт»).

В поэтическом языке И. Бродского особое воплощение находят субъектно-объектные отношения времени и человека, формирующие специальный метафорический тип.

Время с точки зрения влияния на человека и окружающий мир представлено в ряде ключевых персонифицирующих метафор, доминирующей среди которых является «время – безликая сила, оказывающая разрушительное воздействие на сферу физического или абстрактного»: *Кто думал, что их сотрет, / как резинкой с бумаги усилья карандаша, / время? Никто, ни одна душа. / Однако время, шуриш, / сделало именно это* («Fin de Siecle»). Метафорически осмысляемое воздействие времени на человека в поэзии И. Бродского определяется преимущественно как приносящее вред и разрушение, а сама категория времени становится непосредственно связанной с идеей смерти: *Это – время тихой сапой / убивает маму с папой* («Представление»); *Все, что мы звали личным, / что копили, греша, / время, считая лишним, / как прибой с гольшиа, / стачивает – то лаской, / то посредством резца – / чтобы кончить цикладской / вещью без черт лица* («Строфы»). Такое понимание временной сущности определяется лексическим окружением слова *время* при наличии ярко выраженного семантического компонента «деструктивно воздействовать на что-либо», проявляющего себя в предикатах типа *стереть, сточить, убить*.

Яркое воплощение в произведениях поэта находит персонифицированный образ времени, которое выступает всевластителем, требующим себе в жертву чувства, мысли и воспоминания человека: *...Бег / времени требует жертвы, развалины. Баальбек / его не устраивает; человек / тоже. Подай ему чувства, мысли, плюс /*

воспоминания. Таков аппетит и вкус / времени. Не тороплюсь, / но подаю. Я не трус: я готов быть предметом из / прошлого, если таков каприз / времени, сверху вниз / смотрящего – или через плечо – / на свою добычу, на то, что пока еще / шевелится и горячо («Fin de Siecle»). Лексема *время* в такой интерпретации наделяется И. Бродским отрицательной оценкой и воплощает губительную силу, которая своим итогом имеет поглощение всего сущего.

Подобное видение времени как абсолюта, наделенного возможностью властвовать над судьбой человека, позволяет И. Бродскому создавать на страницах своих произведений образ времени, которое уподоблено высшему судье, Богу: *Я всегда придерживался той идеи, что Бог или, по крайней мере, Его дух есть время («Набережная неисцелимых»).* Как известно, в своей жизни поэт придерживался иудаистических представлений о Боге как своевольном и непредсказуемом существе: *«Я считаю, что взял из иудаизма <...> представление о Всемогущем как существе совершенно своевольном», «я верю в деспотичного, непредсказуемого Бога», «Мне ближе ветхозаветный Бог, который карает...»* («Иосиф Бродский. Большая книга интервью»).

Время как категория бытия является для поэта доминирующей в сравнении с человеком. Оно настолько захватывает его, что человек сам начинает напоминать циферблат, который в творчестве И. Бродского является символом всестороннего поглощения человека временем: *На Прачечном мосту, где мы с тобой / уподоблялись стрелкам циферблата* («Прачечный мост»). Такая мировоззренческая позиция поэта находит выражение в его языке, содержащем множество метафорических сочетаний, представляющих время в образе персонифицированного существа, оказывающего влияние на жизнь человека: *Теперь на третьем этаже / живет герой, и время вертит / свой циферблат в его душе* («Петербургский роман»). Время обретает власть над людьми, которые становятся полностью зависимыми от него. Результатом воздействия времени на человеческую плоть прежде всего оказываются старение и смерть: человек как бы существует заведомо во враждебной для него среде, осознавая ее пагубное влияние: *Старение! В теле все больше смертного. / То есть, ненужного жизни* («1972 год»).

Тема смерти, присутствующая в произведениях И. Бродского, хотя и свидетельствует о трагическом мироощущении автора, но всё же не является символом согласия поэта с суровыми законами жизни. Наоборот, осознавая конечность своего земного существования, И. Бродский пытается противостоять смерти всеми возможными способами, главным из которых является его творчество: *Ибо выплеск творческой энергии, пусть самый ничтожный, – это попытка отпугнуть смерть* («Иосиф Бродский. Большая книга интервью»). Единственным средством, которое способно противостоять разрушающему ходу времени, является язык, который, по мнению поэта, может реорганизовать время. Таким образом, поэт как «орудие языка» способен одержать победу над смертью, очеловечив время через язык и слившись с ним в его бесконечной непостижимости: *И наиболее точное определение тому, что же заставляет меня водить пером по бумаге, исписывая груды листов, – допустить, что мною движет желание хоть как-то присоединиться, прилепиться к этой великой непостижимости. Отбросить тень своего временного существования на всю полноту времен* («Иосиф Бродский. Большая книга интервью»).

Время в текстах И. Бродского может быть интерпретировано и в роли субъекта, способного оказывать положительное влияние на жизнь людей. В таком случае время осознается как сущность, благотворно воздействующая на человека и привносящая в его жизнь положительно оцениваемые изменения: *Время <...> в темноте там разглаживало бы морщины / и стирало бы собственные следы* («Развивая Платона»). Однако анализ текстов И. Бродского показал, что метафорические сочетания подобного типа крайне редки в творчестве поэта.

В художественном языке И. Бродского, как и в русской языковой картине мира, время метафорически может быть интерпретировано и в роли пассивного объекта воздействия, осмысляясь в качестве субстанции, находящейся в распоряжении человека. Однако если в русской языковой картине мира данная метафорическая модель актуализируется разными типами сочетаемости (*упустить, наверстать, выиграть* и т.д.), то в идиостиле поэта она представлена преимущественно предикатами со значением утраты времени (*терять, извести*), следствием чего является наличие в произведениях И. Бродского ярко выраженной идеи нехватки времени, жизненной необходимости в нем: *Чина себе правёж, / душе, уму, / порою изведешь / такую тьму / и времени и слов, / что ломит грудь* («На прения с самим...»); *На шутки тоже требуется время, / Пока состришь, пока произнесешь, / пока дойдет. Да и в самой системе, / в системе звука часики найдешь* («Мужчина, засыпающий один...»).

Таким образом, будучи метафорически интерпретировано в образе субъекта или объекта воздействия, слово *время* наделяется в поэтическом языке И. Бродского особыми индивидуально-авторскими смыслами, отражающими специфику писательского мировидения. Приведенные метафорические блоки свидетельствуют о наличии в произведениях поэта двух видов времени: онтологического и биологического. Первое, по мнению Бродского, является своеобразной абстракцией, соотносящейся с представлением автора о безграничном и бесконечном измерении, составляющем основу мироздания. Это время космологического характера, противопоставленное земному существованию человека. Такое время отторгает людей, оно мыслится без них, проявляя себя в качестве господствующей силы, оказывающей воздействие на установленный миропорядок. Именно такое представление о времени находит отражение в метафорических моделях, описывающих время в роли субъекта, способного влиять на человеческую жизнь. Подобное проявление времени всегда интересовало поэта, о чём он неоднократно говорил во многих своих интервью: *мне интересно только, что время делает с человеком, как оно его уменьшает, изменяет, для какой цели использует человека* («Иосиф Бродский. Большая книга интервью»). Немногочисленные метафорические блоки, интерпретирующие время в качестве субстанции, находящейся в распоряжении человека, преимущественно передают биологическое время, соотносимое с жизнью человека. Это время, отпущенное любому человеку; то, которого с каждым новым прожитым днём становится меньше, то, которым необходимо дорожить в силу его скоротечности.

Необходимо отметить, что И. Бродского всегда интересовала абстрактная идея времени. Однако в силу того, что метафизические сущности представляют собой наиболее сложный для описания класс явлений, поэту приходится передавать свои размышления о времени посредством языковых единиц конкретной семантики.

Вследствие этого в текстах И. Бродского возникают образы времени, наделенные конкретно-вещественными очертаниями, визуальными, звуковыми и тактильными характеристиками: *...я бы сказал, что больше интересуюсь чисто абстрактной идеей времени. Думаю, я вполне могу сказать, что использую конкретные представления о времени в момент ухода в абстрактные размышления. И я пытаюсь сделать эти абстрактные размышления осязаемыми посредством образности, конкретных символов и всякого такого* («Иосиф Бродский. Большая книга интервью»).

Время предстает в поэзии в роли своеобразной овеществленной сущности: *В этом силлом хрипении / за годами, / за веками / я вижу матершу времени, / открытую петухами* («Петухи»). Оно уподобляется изделию из ткани и ассоциируется с процессом прядения: *И он перестойт века, / галактику, жилую часть / грядущего, от наука / привычку перенявши прясть / ткань времени, точнее – бязь / из тикающего сырца* («Взгляни на деревянный дом...»). Используя подобные метафорические сочетания, автор зачастую сближает категорию времени с традиционно-поэтическим образом Парки, богини жизни и судьбы: *И географии примесь / к времени есть судьба. / Нехотя, из-под палки / признаешь эту власть, / подчиняешься Парке, / обожающей прясть* («Строфы»).

В художественных текстах И. Бродского время представлено как предмет зрительного восприятия, который получает цветное описание, несущее особый символический подтекст. Время в поэтическом языке оказывается связанным непосредственно с одним цветом – серым, что обусловлено личностными ассоциациями И. Бродского, соотносящего данный цвет с Севером и Балтийским морем: *Там в моде серый цвет – цвет времени и брёвен* («Пятая годовщина»); *Я всегда говорю, что если представить себе цвет времени, то он скорее всего будет серым* («Диалоги с Иосифом Бродским»).

Время в творчестве И. Бродского предстает и в роли создания, которому свойственны определенные физиологические процессы. Так, например, оно актуализируется в текстах поэта в качестве адресата речи, способного к осуществлению коммуникативной деятельности, о чем свидетельствуют языковые конструкции, в которых темпоральная лексема используется в функции обращения: *О, время, послужи, как пустота, / часам, идущим в доме Аполлона* («Приходит март. Я сызнава служу...»). Употребление акустических метафор позволяет И. Бродскому образить время в качестве своеобразной субстанции, способной к осуществлению процесса говорения, но по каким-либо причинам не использующей эту возможность и сохраняющей молчание: *Над нами время промолчит, / пройдет, не говоря, / и чья-то слава закричит / немая, не моя* («Шествие»).

Следует отметить, что в текстах И. Бродского время наделено звучанием, т.е. способностью к воспроизведению определенных звуков, на что указывает семантика глагольных форм, сочетающихся с темпоральной лексемой. Однако в большинстве случаев звучание является не основным признаком времени, а косвенным, служащим дополнительным сопровождением действия, совершаемого временем: *Однако время, шуруша, / сделало именно это* («Fin de Siecle»).

Кроме акустических особенностей, в художественном языке И. Бродского время наделено и другими характерными чертами, например, способностью видеть. Во «взгляде» времени автором запечатлена определенная аксиологическая окраска,

придающая особую образность темпоральной единице: *...покамест Время / варварским взглядом обводит форум* («Римские элегии»).

Время в поэтическом языке И. Бродского не только наделяется способностью осуществлять разного рода физиологические процессы, но и переносится в область чувственного, телесного восприятия за счет использования метеорологических метафор, представляющих время в образе сущности, тактильно ощущаемой: *Время есть холод. Всякое тело, рано / или поздно, становится пищею телескопа: / остывает с годами, удаляется от светила* («Эклога 4-я (зимняя)»). Наиболее частотной лексемой, характеризующей время в подобном плане, является слово *холод*. Именно холоду уподобляется время и ассоциируется с ним.

С представлением о времени непосредственно связан и образ воды. Это традиционное сближение времени и водной стихии находит яркое выражение в поэтических текстах И. Бродского, изобилующих развернутыми метафорическими образами: *Время выходит из волн, меняя / стрелку на башне – ее одну* («Лагуна»). Вода в произведениях поэта осмысливается в роли «зеркала» времени, его своеобразного двойника, что позволяет говорить о бытийном восприятии И. Бродским основ мира.

Большое значение в художественном языке И. Бродского имеет неразрывная связь времени и пространства. В произведениях поэта время часто уподобляется пространству, которое можно пересечь, пройти насквозь: *Горюю, горюю, сквозь наши времена / плывут и проползают имена / других людей, которых нам не знать, / которым суждено нас обогнать* («Шествие»). Используя глаголы движения с темпоральными лексемами, И. Бродский наделяет последние локальной семантикой, представляющей время начальным или конечным пунктом передвижения: *Постойте же. Ко мне приходит гость, / из будущего времени приходит* («Гость»).

Обозначенная слитность пространственно-временных аспектов на уровне языковой вербализации противостоит намеренному разграничению самих бытийных категорий в творчестве И. Бродского, имеющих различную значимость для поэта. Инвариант бытия, созданный сознанием писателя и воплощенный в его творениях, может быть представлен в иерархичной триаде «пространство – время – язык», где время занимает главенствующее положение по отношению к пространству и подчиненное по отношению к языку: *Если время боготворит язык, это значит, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства* («Поклониться тени»). Подобная связь отражается в произведениях, в которых поэт противопоставляет время пространству по ряду признаков: *пусть Время взятку не берет – / Пространство, друг, серебролюбиво!* («С видом на море»); *Покуда Время / не поглотит как Пространство / (что вряд ли)...* («Пяцца Маттеи»).

В третьей главе «**Базовые репрезентанты концепта «время» в поэтическом языке И. Бродского**» рассматриваются лексические средства репрезентации художественного концепта «время», выделяются и анализируются основные группы слов с темпоральной семантикой, описываются особенности объективированных ими фрагментов концепта «время».

Обозначения кратковременности, времени суток, времен года, единиц измерения времени, неопределенных отрезков времени являются репрезентантами художественного концепта «время», которые способствуют более полному осознанию его концептуальных признаков.

Первый раздел третьей главы (подраздел 3.1) посвящен изучению особенностей функционирования лексем *миг*, *мгновение*, *момент* и *минута*, *секунда*, которые являются не только показателями кратковременности в поэтическом языке И. Бродского, но и обозначениями, описывающими событийную наполненность временных промежутков, их качественную дифференциацию.

Лексемы *мгновение*, *миг*, *момент*, являясь условными обозначениями времени, абстрагированными от конкретных физических единиц измерения, объединены общей семантикой, а именно «предельно краткий временной отрезок».

Приведенные темпоральные единицы так же значимы для поэта, как и временные промежутки большей длительности, поскольку каждый из отрезков времени, даже и самый малый, есть само время, с которым человек вступает в своеобразную борьбу, пытаясь противостоять смерти желанием жить: *В силу того, что конец страшит, / каждая вещь на земле спешит / больше вкушать от своих ковриг, / чем позволять миг* («Песня пустой веранды»). Слово *миг* в текстах И. Бродского преимущественно используется в составе наречных конструкций, которые передают значения «тотчас же» и «сразу же», указывая на максимальную быстроту наступления события: *И те врача признать в нем в тот же миг / готовы под воздействием иголок* («Феликс»).

Лексема *мгновение* в художественном языке И. Бродского входит в состав реминисценций, восходящих к произведению И. Гёте «Фауст» и получивших в текстах поэта новую интерпретацию: они осмысливаются автором в несколько ироничной форме, демонстрирующей своеобразную литературную полемику с первоисточником: *От человека, аллес, ждать напрасно: / «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». / Меж нами дьявол бродит ежечасно / и поминутно этой фразы ждет. / Однако, человек, майн либе геррен, / настолько в сильных чувствах неуверен, / что поминутно лжет, как сивый мерин, / но, словно Гете, маху не дает* («Два часа в резервуаре»). Спор с И. Гёте прослеживается и в других произведениях И. Бродского, в которых поэт подчеркивает случайность и неповторимость каждого временного промежутка: *Остановись, мгновенье! Ты не столь / прекрасно, сколько ты неповторимо* («Зимним вечером в Ялте»).

Лексема *момент* в поэтическом языке И. Бродского употребляется довольно редко. В большинстве случаев данная временная единица обладает общей темпоральной семантикой, называя время совершения какого-либо события: *Трамвай бежит в свой миллионный рейс. / Трезвонит громко и, в момент обгона, / перекрывает звонкий стук подков* («Einem alten Architekten in Rom»). В примерах подобного типа *момент* является неким условным обозначением времени и оказывается связан с самым широким кругом явлений, происходящих в данный промежуток времени: *в момент погони* («Бабочка»), *в момент изгиба* («Колыбельная Трескового Мыса»), *в момент паденья* («Бюст Тиберия») и т.д.

Минута принадлежит к единицам физического времени, поэтому в текстах поэта наблюдаются количественно-именные сочетания с данной лексемой: *За сигаретами вышедший постоялец / возвращается через десять минут к себе* («Сан-Пьетро»). Кроме того, указанная темпоральная единица называется в текстах И. Бродского небольшой по длительности интервал времени, то есть носит относительный характер: *Вот в ту минуту я, клянусь вам, мог / убить его...* («Посвящается Ялте»). Каждая минута, по мнению поэта, оказывается ценной для

человека, поскольку именно из них соткана вся его жизнь: *Так научись минутой дорожить, / которую дано тебе прожить, / не успевая все предусмотреть, / в которой можно даже умереть* («Шествие»).

В поэтическом языке И. Бродского в значении относительно короткого интервала времени выступает и лексема *секунда*, которая не используется автором как физическая единица измерения времени, а употребляется в качестве показателя времени эмотивного: *и глаза на секунду слипаются, наподобье / раковины, когда проплывает рыба* («Сан-Пьетро»).

Во втором разделе третьей главы (3.2) рассматривается система лексем, относящихся к суточному циклу (*ночь, день, утро, вечер*). Семантика данных темпоральных единиц в художественных текстах И. Бродского содержит как объективные представления о действительности, так и субъективные, связанные с восприятием происходящих явлений самим автором.

Самой употребительной единицей суточного цикла в текстах И. Бродского является *ночь* (подраздел 3.2.1). Это время суток ассоциируется в сознании поэта со временем, в пределах которого возможно совмещение различных временных пластов, в частности, настоящего, прошлого и будущего: *...Ночь / и взаправду граница, <...> где дрова переходят в деревья и снова в дрова, / где что веко не спрячет, / то явь печенегом / как трофей подберет* («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»). Ночь в художественном мире представляется как время активной мыслительной деятельности человека, пытающегося разобраться в происходящих явлениях, осмыслить произошедшие с ним события, понять самого себя: *На прения с самим / собою ночь / убив, глотаешь дым* («На прения с самим / собою ночь...»).

При описании ночи И. Бродский употребляет преимущественно адептивы цветовой семантики, важную роль среди которых выполняет белый колоратив: *пусть меня, беглеца, осенит / белой ночьюю твоя / неподвижная слава земная* («Стансы городу»); *Белая ночь над нами / легонько брезжит* («Воспоминания»). Частое использование указанного цветообозначения при изображении ночи объясняется спецификой данного временного явления в родном городе поэта, Санкт-Петербурге, городе, который становится местом действия многих произведений И. Бродского.

Особый интерес вызывают и окказиональные способы представления ночи в поэзии И. Бродского, к которым относятся: наделение ночи физических параметрами, описывающими пространственные координаты (*Звезды / как разбитый термометр: каждый квадратный метр / ночи ими усеян, как при салюте* («Эклога 4-я (зимняя)»)), характеристика с точки зрения своеобразной наполненности (*Пурга свистит. Зрачок идет ко дну / в густой ночи. Нужна ли страсти память?* («Пришла зима, и все, кто мог лететь...»)); *Двор заперт, дворник заши, ночь пуста* («Исаак и Авраам»), изображение с помощью метафорических предикатов *литься* и их префиксальных модификаций: *Задев его, снаружи льется ночь, / густой рекой беззвучно на пол хлещет* («Пришла зима, и все, кто мог лететь...»).

Слово *день* (подраздел 3.2.2) в художественном языке И. Бродского осмысливается преимущественно не как «часть суток», а как представление о сутках вообще. День предстает в текстах поэта как основная единица физического времени, тесно связанная с жизнью человека. В художественном мире день наделяется ускоренным ходом, что влечет за собой появление образа бегущего дня: *твой день бежит меж вечных хлопот* («Петербургский роман»); *И день бежит, и дождь идет*

(«Шествие»): *Дни бегут надо мной, / словно тучи над лесом* («Дни бегут надо мной...»). Такой образ передает стремительный характер движения времени, в единицах которого человек отмеряет свою жизнь. Свидетельством подобного движения времени в текстах поэта становятся сочетания темпоральной лексемы с фазовыми глаголами, кодирующими завершение временного отрезка, или с наречными предложениями пространственной семантики, относящими временное явление к области прошлого: *День кончился, как делали все дни / ее большой и невыносимой жизни* («День кончился, как если бы она...»); *Еще один день позади – с его / тревогами, страхами; с «о-го-го»* («Бегство в Египет (2)»). Смена одного дня другим характеризуется своими последовательностью и регулярностью, неизбежно влияющими на восприятие жизни самим человеком: *и этот день посередине века, / который твою молодость состарил* («Шествие»). По прошествии долгого времени веренища дней кажется человеку однообразной и повторяющейся: *Она так долго прожила, что дни / теперь при всем своем разнообразье / способны, вероятно, только разве / то повторять, что делали они / при ней* («День кончился, как если бы она...»).

Вечер (подраздел 3.2.3) в художественных текстах И. Бродского выступает прежде всего в качестве своеобразной границы, разделяющей темную и светлую части суток: *И вечер делит сутки пополам, / как ножницы восьмерку на нули* («Шум ливня воскрешает по углам...»). Он изображается поэтом в роли одушевленного существа, которое наделено способностью следить за сохранностью дня, для того чтобы обезопасить его от ночи: *Зимний вечер лампу жжет, / день от ночи стережет* («Колыбельная»).

В текстах И. Бродского внимание читателей акцентируется прежде всего на наступлении вечера, о котором поэт сообщает посредством ряда конвенциональных языковых структур, являющихся типичными для темпоральных единиц, связанных с темным временем суток: *... Спускается вечер, / из куста / сонм теней / выбегает к фонтану, как львы из чащи* («Фонтан»). Именно в это время предметы и люди теряют многие из своих внешних очертаний в силу того, что темнота нейтрализует всё вокруг, сливая в одну общую гамму: *Вечер <...> сокращает красавиц до профилей в ихних камнях* («Bagatelle»); *Одна ворона (их была гурьба, / но вечер их в ольшаник перепрятал) / облюбовала маковку столба* («Развивая Крылова»). Такое обстоятельство побуждает человека использовать лампы и фонари, из которых льется свет, так необходимый в это время суток: *когда меркнет солнце, мы свет включаем, / завершая вечер грузинским чаем* («Песня невинности, она же – опыта»); *А вечер зажигает фонари* («Шествие»). Изменения, связанные с наступлением темноты, позволяют представить И. Бродскому особый образ вечера, изменяющего и преобразующего все кругом: *Вот и вечер жизни <...> / вот он красит деревья, зажигает лампу, лакирует авто* («Августовские любовники»).

Слово *утро* (подраздел 3.2.4), в отличие от других единиц суточного цикла, употребляется в произведениях И. Бродского гораздо реже и практически не подвергается метафорическим переосмыслениям. Данная лексема преимущественно актуализирует в текстах поэта своё прямое значение «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день»: *на обеднее семейство / взирая, светят до утра / проектора Адмиралтейства* («Петербургский роман»). Указанная темпоральная единица используется прежде всего в составе наречной конструкции *с утра*, которая

обозначает начало дня и связывается автором с определенными природными явлениями, имеющими место быть в данное время суток: *Окно с утра занавешено рванью туч («Прилив»); Еще я полною: есть одна гора. В ее подножьях есть ручей, поляна. / Оттуда пар ползет наверх с утра («Исаак и Авраам»).*

В третьем разделе (3.3) рассматривается система лексем, называющих времена года (*зима, весна, лето, осень*). Данные темпоральные единицы содержат в своей семантической структуре ряд общеупотребительных концептуальных признаков, обусловленных природно-географическими особенностями, спецификой быта и психологическим восприятием. У наименований времен года в поэтическом языке И. Бродского преимущественно актуализируются качественно-предметные признаки, описывающие не только сам сезон, но и природу в указанный период. С помощью предикативно-субстантивных сочетаний автор передает психологическое восприятие лирическим героем того или иного времени года.

Самым любимым временем года для И. Бродского была *зима* (подраздел 3.3.1), которая ассоциировалась в сознании поэта с творческим процессом и напоминала ему своими черно-белыми красками своеобразные реалии, отражающие результат его поэтических изысканий: *Зима – это черно-белое время года. То есть страница с буквами («Иосиф Бродский. Большая книга интервью»).* Это время года связано в произведениях И. Бродского с особым творческим подъемом и эмоциональным возбуждением, порой грозящим потерей рассудка: *волнение по правилам зимы / охватывало город в полутьме, / царило возбуждение в уме («Зофья»); Наступила зима. Песнопевец, / не сошедший с ума, не умолкший, / видит след на опушке волчий / и, как дятел-краснодеревец, / забирается на сосну. / чтоб расширить свой кругозор, / разглядяев полудне узор. / оттеняющий белизну («Орфей и Артемида»).*

Зима воспринимается поэтом как абстрактное время года, *«бедное красками <...> и щедрое на императивы холода и короткого светового дня»*, а именно эти вещи, по мнению И. Бродского, *«настраивают глаз на внешний мир с энергией большей, чем у электрической лампочки, которая снабжает тебя по вечерам чертами лица» («Набережная неисцелимых»).* Слово *зима*, функционируя в роли поэтической метафоры, обозначает то, что скрывает все лишнее, выделяя при этом первостепенное и особенно значимое.

Зима связывается в восприятии И. Бродского прежде всего с тишиной и безмолвием. Создавая антропоморфный образ зимы, автор акцентирует внимание читателей на ее молчании, нежелании воспроизводить какие бы то ни было звуки: *Откуда к нам пришла зима, / не знаешь ты, никто не знает. / Умолкло все. Она сама / холодных губ не разжимает. / Она молчит. Внезапно, вдруг / упорства ты ее не сломишь. / Вот оттого-то каждый звук / зимою ты так жадно ловишь («Откуда к нам пришла зима...»).* Вся природа как бы умолкает вместе с зимой, беззвучие которой ассоциируется с мотивами холода, так тесно связанными в мировосприятии поэта с самим Временем.

Необходимо отметить, что названные положения свидетельствуют о своеобразии авторского представления о зиме. Парадоксальные на первый взгляд позиции (*зима – любимое время года, ассоциирующееся с творчеством, эмоциональным подъемом, и зима – время года, непосредственно связанное с холодом и молчанием как символическими обозначениями онтологического времени и смерти*), на наш взгляд, объяснимы тем, что зима потому и привлекает поэта, что

дает ему возможность ощутить себя в небытии, прикоснуться к той непостижимости, которая его так притягивает.

Лексема *весна* (подраздел 3.3.2) в художественном языке И. Бродского называет время года, наступающее за зимой и сменяющееся летом. В связи с тем, что зима занимает большой по продолжительности временной отрезок, наступление весны кажется поэту всегда чем-то далеким и нескорым: *Бог ведает. Клонясь ко сну, / я вижу за окном кончину / зимы; и не найти весну («Пенье без музыки»); Миновала зима. Весна / еще далека («Миновала зима. Весна...»).*

Слово *весна* надлено в русской языковой картине мира положительной коннотационной оценкой, которая связана с психологическим восприятием этого времени года, ассоциирующегося в сознании человека с периодом молодости и красоты, временем мечтаний и надежд. Однако в творчестве И. Бродского подобное представление о весне практически отсутствует, наоборот, в его произведениях содержится противоположный по оценке временной образ, создаваемый предикативно-именными сочетаниями: *И, Господи, что выделось, что было, / как новая весна меня ловила, / и новым колесом автомобиля / меня на переулочках давила. / И новая весна уже лежала, / любовников ногами окружала / и шарила белесыми руками / и взмахивала тонкими кругами («Шествие»).*

Весна в поэтических текстах И. Бродского ассоциируется с распутицей, когда дороги становятся непроходимыми и напоминают реки: *Дорогу развезло / как реку <...> Не то, чтобы весна, / но вrede. / Разброд и кривизна («В распутицу»).* Весна связывается автором с тонкими психологическими ощущениями одиночества и какой-то тревоги по поводу наступивших изменений в природе и обществе: *на шумной родине балтийской / среди худой полувесны / протарахтят полуботинки / по лестнице полувоины <...> Полуапрель и полуслякоть, / любви, любви полупутья, / и одинокость, одинакость / над полуправдой бытия («Три главы»).* Однако, акцентируя внимание на таких сторонах весны, поэт не забывает показать и другие, связанные с изменением окружающей природы: *Весной в грязи копошится труженик-муравей, / появляется грач, твари иных кровей; / листва прикрывает ствол в месте его изгиба («Квинтет»).*

Самой неупотребительной единицей сезонного цикла в художественном языке И. Бродского является *лето* (3.3.3). Интересно заметить, что при описании лета поэт сосредоточивает свое внимание на казалось бы незначительных приметах этого времени года, оставляя без внимания такие существенные характеристики, как, например, лето – пора тепла и света, вызывающая у человека наслаждение красотой природы: *Лето! пора рубашек навывпуск, / разговоров про ядовитость / грибов, о поганках, о белых пятнах / мухоморов, полемики об опятах / и сморчках; тишины объятых / сонным покоем лесных лужаек («Эклога 5-я (летняя»).* В художественном мире И. Бродского лето воспринимается как время усталости, оно слишком утомительно для поэта, поскольку всё связанное с ним представляется излишне интенсивным: *Я не то что схожу с ума, но устал за лето. / За рубашкой в комод полезешь, и день потерян. / Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла все это – / города, человеков, но для начала зелень («Я не то что схожу с ума, но устал за лето...»).* Основными атрибутами этого времени года в произведениях поэта становятся зелень, трава, которые ассоциируются в сознании И. Бродского с чем-то

13-03954

избыточным и однообразным: *Душный июль! Избыток / зелени и синевы – избытых / форм бытия...* («Эклога 5-я (летняя)»), *они одинаковы, как трава* («О тирании»).

Осень (3.3.4) в поэтических текстах И. Бродского изображается преимущественно с помощью слов, входящих в лексико-тематическое поле «природа». Автор использует традиционные элементы пейзажа для художественного описания природы в указанное время года: желтый окрас деревьев, постепенно теряющих свое одеяние, сырость, холод и т.д. Наступление осени в представлении поэта всегда связано с изменением окружающей природы: *Скоро осень, все изменится в округе. / Смена красок этих трогательней, Постум, / чем наряда перемена у подруги* («Письма римскому другу»). Описание смены красок лиственного убора осеннего леса сопровождается в произведениях И. Бродского изображением оголенности деревьев, их обнажением: *Тропа пуста, там нет следов часами. / На ней всегда лежит лишь тень листвы, / а осенью – ложатся листья сами* («Исаак и Авраам»). Кроме того, поэт обращает внимание и на другие особенности осени, характеризуя ее как пасмурное, ветренное, дождливое время года: *Осень. Оголенность тополей / раздвигает коридор аллей / в нашем не-имении. Ставни бьются / друг о друга. Туч невпворот, / солнце забуксует. У ворот / лужа, как расколотое блюдо* («В альбом Натальи Скваронской»).

Четвертый раздел (3.4) посвящен изучению особенностей функционирования единиц измерения времени (*час, год, век*) в художественном языке И. Бродского.

Слово *час* (подраздел 3.4.1) в текстах поэта способно обладать как количественной, так и качественной семантикой. Данная лексема выступает в произведениях И. Бродского как стандартная мера времени, равная 1/24 части суток. В таком значении указанная темпоральная единица используется прежде всего в составе количественно-именных сочетаний: *Спусти два часа, когда объявляют рейс, / не дергайся; потянись и подави зевоту* («Приглашение к путешествию»). Кроме того, лексема *час* в текстах поэта обозначает и время, предназначенное для чего-либо: речь в таком случае идет либо о той или иной человеческой деятельности, которая заполняет временной промежуток (*Даже, в часы досуга, / мысли о смерти* («Декабрь во Флоренции»), либо о времени, которое характеризует героя с точки зрения чувственных и ментальных состояний: *Так в час любви, в час безумья – вы, / покинув освещенные дома, / не зная ни безумства, ни любви, / целуете и сходите с ума* («Шестые»)).

Лексема *час* входит в творчестве И. Бродского и в состав устойчивых выражений, которые характеризуются особой, индивидуально-авторской сочетаемостью. Так, например, фразеологизм *не по дням, а по часам* обычно употребляется в контекстах с предикатом *расти*, тогда как в текстах поэта данное выражение используется с противоположным по оценке приведенному предикатом – *стареть*: *Судя по глазам, / себя он останавливает сам, / старея не по дням, а по часам* («Мужчина, засыпающий один...»).

Год (подраздел 3.4.2) в поэтическом языке И. Бродского является одним из определяющих временных отрезков в конструировании художественного мира, поскольку, с одной стороны, он связан с естественно-природным циклом, а с другой – с жизнью человека, который использует это слово как единицу измерения личного времени. В качестве единицы летоисчисления лексема *год* в произведениях поэта используется в единственном числе и выступает в градационном ряду со словами

лексико-тематической группы «время»: *Полевой сезон / пятьдесят восьмого года* («Воспоминания»); *...да и на семь ровно / ничего не делится, окромя / дней недели, месяца, года, века* («Провинциальное»). Выступая же в форме множественного числа, слово *год* называет время разной длительности. Так, употребляясь с порядковыми числительными, лексема *годы* обозначает промежуток времени в пределах десятилетия: *в деяностые годы века* («Прошайте, мадузель Вероника»), а в сочетании с определениями-конкретизаторами – передает значение временного периода, охватывающего некоторое количество лет: *Как в школьные года – стирал до дыр* («Телефонная песня»). Слово *год* для обозначения возраста человека используется в художественном языке И. Бродского в составе количественно-именных сочетаний: *Такой-то и такой-то. Сорок лет* («Посвящается Ялге»). Кроме того, в текстах поэта можно обнаружить и ряд конвенциональных языковых структур, которые называют период человеческой жизни, соответствующий определенным годам: *На склоне лет, в стране за океаном* («Двадцать сонетов к Марии Стюарт»); *и я на север мчусь в расцвете лет* («Я начинаю год, и рвет огонь...»).

Слово *век* в поэтических текстах И. Бродского (подраздел 3.4.3.) выступает не столько для обозначения продолжительности временного интервала, сколько для художественной интерпретации определенной исторической атмосферы. Основное внимание в своих произведениях И. Бродский уделяет двадцатому веку, на протяжении которого складывалась жизнь поэта, формировались его мировоззренческие позиции и устои. При описании двадцатого века И. Бродский неоднократно подчеркивает своеобразное начало данного столетия, связанного с военными событиями: *...двадцатый век – / век маленькой стрельбы и страшных мыслей?* («Гость»); *и, как всегда в двадцатом веке, / звучит далекая стрельба* («Петербургский роман»). В основе описания столетия лежит антропоцентрическая концептуализация времени, необходимая для совмещения темпорального и субъективного планов, изображения состояния общества и отдельной личности в тот или иной исторический промежуток, иллюстрации причастности человека к формированию эпохи и вместе с тем зависимости от нее: *Век был, в конце концов, / неплох. Разве что мертвецов / в избытке; но и жильцов, / включая автора данных строк, / тоже хоть отбавляй...* («Fin de Siecle»); *Там жизнь продолжается, так как века / одних уменьшают в объеме, пока / другие растут – как случилось с тобою* («Preseprio»).

В пятом разделе (3.5) рассматриваются неопределенные отрезки времени (*пора, эпоха, вечность*), нашедшие выражение в произведениях И. Бродского.

Функционирование слова *пора* (подраздел 3.5.1) в художественном языке поэта в номинативном типе употребления осуществляется в рамках узуального лексико-семантического выражения, при котором данная лексема актуализируется в качестве циклического времени, многократно реализующегося в природном и жизненном циклах: *А что у нас за окнами?» «Февраль. / Пора метелей, слячки и дождов»* («Горбунов и Горчаков»). В предикативном типе употребления слово *пора* используется преимущественно в сочетании с инфинитивами и указывает на наступление определенного срока, в который необходимо осуществить действие, названное глагольной формой: *Нам пора уходить* («Предпоследний этаж...»).

Лексема *эпоха* в поэтическом языке И. Бродского (подраздел 3.5.2) называет «большой промежуток времени, выделяемый по каким-либо характерным

особенностям» и сочетается со словами, обозначающими наиболее актуальные понятия или явления определенного исторического периода: *Все, что творил я, творил не ради я / славы в эпоху кино и радио, / но ради речи родной, словесности* («1972 год»). Данная лексема в текстах поэта отличается особой оценочно-экспрессивной окраской: *А это было эпохой скуки и нищеты, / когда нечего было украсть, тем паче / купить, ни тем более преподнести в подарок* («MCMXCV»). Слово *эпоха* в произведениях И. Бродского преимущественно выступает с отрицательной коннотацией, формируемой лексическим окружением темпоральной единицы: *...семя / свободы в злом чертополохе, / в любом пейзаже / даст из удушливой эпохи / побег* («Пьяцца Маттеи»).

В художественных текстах И. Бродского слово *вечность* (подраздел 3.5.3) получает новую интерпретацию. Некоторые исследователи трактуют вечность как категорию вневременную, однако в произведениях поэта она оказывается связанной со временем: *О, ощути за суетностью цельность / и на обычном циферблате – вечность!* («Сонет к зеркалу»). И, что особенно важно, в художественном мире И. Бродского наблюдается совершенно новый взгляд на соотношение этих категорий: вечность признается поэтом лишь частью времени, всего лишь его толикой: *...с вечностью, являющейся лишь толикой Времени, а не – как это принято думать – наоборот* («Об одном стихотворении»).

В **Заключении** формулируются результаты исследования.

Основными средствами репрезентации художественного концепта «время» в поэтическом языке И. Бродского являются лексические обозначения времени, обладающие как узуальными, так и окказиональными значениями.

Своеобразие личностного восприятия феномена времени поэтом проявляется в особом отборе и функционировании лексических единиц с темпоральной семантикой, которые обладают различными образно-ассоциативными значениями.

Поэтический язык И. Бродского характеризуется многообразием смысловых оттенков временных лексем и их концептуальной, психологически-оценочной трактовкой, выдающей неординарность мышления и мироощущения автора.

Семантическая наполненность темпоральных лексем отражает особенности индивидуально-авторского представления о времени, на формирование которого значительное влияние оказали экстралингвистические факторы.

Выразительность художественного концепта «время» в творчестве И. Бродского создается за счет метафор, олицетворений, сравнений, нарушений логико-понятийной соотнесенности, актуализации семы конкретного значения, эпитетов, основанных на субъективных ассоциациях.

Наибольшей значимостью в организации образно-смысловой сферы изучаемого концепта обладают метафорические блоки «Время – высшая сила», «Время – живое существо», «Время – движение», репрезентирующие индивидуально-авторскую картину мира поэта.

Многообразие семантических оттенков темпоральных единиц, воплощенных в языке И. Бродского, свидетельствует о смысловой гетерогенности художественного концепта «время», который становится ключевым компонентом авторского макрокосма, определяя смысловую многоплановость поэтического текста и включаясь в выражение идейно-художественного содержания произведений.

Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях общим объемом 8 п.л.:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК РФ:

1. Штырлина Е.Г. Обозначения кратковременности в поэтическом языке И. Бродского // Вестник Омского университета. Филология. – 2012. – № 1. – С. 202-207. (0,7 п.л.)
2. Штырлина Е.Г. *Век* в поэтическом языке И. Бродского // Вестник Самарского государственного университета. Языкознание. – 2012. – № 2 (1). – С. 105-110. (0,5 п.л.)
3. Штырлина Е.Г. *Год* в поэтическом языке И. Бродского // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – Вып. 2. – С. 75-82. (0,9 п.л.)
4. Штырлина Е.Г. *Вечер* в поэтическом языке И. Бродского // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Языкознание. – 2012. – № 27. – С. 442-445. (0,6 п.л.)
5. Штырлина Е.Г. *Час* в поэтическом языке И. Бродского // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 3 (29). – С. 95-98. (0,3 п.л.)
6. Штырлина Е.Г. Субъектно-объектные отношения времени и человека в поэтическом языке И. Бродского // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – № 3. – С. 82-90. (0,6 п.л.)
7. Штырлина Е.Г. *Ночь* в поэтическом языке И. Бродского // Вестник Башкирского университета. Филология. – 2011. – Т. 16. – № 3. – С. 729-732. (0,5 п.л.)
8. Штырлина Е.Г. *День* в поэтическом языке И. Бродского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – 2011. – № 2 (2). – С. 135-139. (0,5 п.л.)
9. Штырлина Е.Г. Прошлое, настоящее, будущее в поэтическом мире И. Бродского // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152. – № 6. – С. 252-257. (0,5 п.л.)

Публикации в других изданиях:

10. Штырлина Е.Г. Индивидуально-авторское воплощение времени в поэтическом языке И. Бродского // Сборник материалов Открытого конкурса научных работ студентов и аспирантов им. Н.И. Лобачевского. – Казань: Научный Издательский Дом. 2012. – С. 369-370. (0,2 п.л.)
11. Штырлина Е.Г. *Осень* в поэтическом языке И. Бродского // Филология – культурология: диалог наук: Материалы II научной интернет-конференции с международным участием «Филология – культурология: диалог наук» (18 декабря 2011 г. – 18 января 2012 г.). – Одинцово: АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012. – С. 68-73. (0,3 п.л.)
12. Штырлина Е.Г. Особенности функционирования слова *пора* в поэтическом языке И. Бродского // Актуальные проблемы современных лингвистических исследований: Сборник статей Международной (заочной) научно-практической

- конференции (17 апреля 2012 г.). – Рязань: Узорочье, 2012. – С. 213-217. (0,3 п.л.)
13. Штырлина Е.Г. *Эпоха* в поэтическом языке И. Бродского // Сборник тезисов I Всероссийской Интернет-конференции «Грани науки 2012» / Отв. ред. А.В. Герасимов. – Казань: СМУиС, 2012. – С. 87-88. (0,1 п.л.)
 14. Балалыкина Э.А., Штырлина Е.Г. *Зима* в поэтическом языке И. Бродского // Русская словесность как основа возрождения русской школы: сборник статей по материалам III Международной заочной научно-практической конференции: в 2 т. Т.1. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 97-105. (0,6 п.л.)
 15. Штырлина Е.Г. *Рассвет* в поэтическом языке И. Бродского // Научный потенциал молодежи – будущее России. IV Всероссийские научные Зворыкинские чтения: сб. тез. докл. IV Всероссийской молодежной научной конференции (20 апреля 2012 г.). – Муром: МИ ВлГУ, 2012. – С. 706-707. (0,2 п.л.)
 16. Штырлина Е.Г. Модусы времени в поэтических текстах И.А. Бродского // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011». Филология / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 456-458. (0,2 п.л.)
 17. Штырлина Е.Г. *Вечность* в поэтическом языке И. Бродского // Молодежь. Наука. Будущее: технологии и проекты: материалы международной науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов (21–22 октября 2011 г.): в 3 т. Т. 1. – Казань: Познание, 2012. – С. 479-482. (0,2 п.л.)
 18. Штырлина Е.Г. Динамическая модель движения времени в поэтических текстах И.А. Бродского // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2010 г.: сб. тезисов – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – С. 113. (0,1 п.л.)
 19. Малышева Е.Г. Время и его взаимоотношения с человеком в творчестве И. Бродского // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2009 г.: сб. статей – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – С. 184-186. (0,3 п.л.)
 20. Малышева Е.Г. Семантические особенности категории времени в поэтических и прозаических текстах поэтов-шестидесятников // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научной конференции «X Кирилло-Мефодиевские чтения» (13-16 мая 2008 г.). – М.: ИКАР, 2008. – С. 60-66. (0,4 п.л.)